

Очаровательная история о ностальгии по тому, что могло бы быть.

The Telegraph

КРАСНЫЙ БЛОКНОТ

ИЛИ
ПАРИЖСКИЙ КВЕСТ
«ШЕРШЕ ЛЯ ФАМ»

Парижское
совершенство.

Камилла, королева-консорт
Великобритании

АНТУАН
ЛОРЕН

Антуан Лорен Красный блокнот, или Парижский квест «Cherchez la femme»

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=20690076

Красный блокнот: Синдбад;

ISBN 9785001316695

Аннотация

Однажды утром по пути на работу владелец парижской книжной лавки Лоран находит дамскую сумку. В ней множество предметов, способных немало рассказать о ее хозяйке: флакон духов, фотографии, книга, блокнот с личными записями... Но нет ничего, что могло бы помочь найти ее. Движимый искренним желанием вернуть имущество владелице, Лоран берет на себя роль детектива. В надежде обнаружить хоть какую-то зацепку, он начинает читать красный блокнот. И вскоре понимает, что должен найти незнакомку уже не только из-за сумки...

Романтическая, нежная, окрашенная мягким юмором история любви, пробуждающая дремлющую в душе каждого из нас надежду на чудо.

Антуан Лорен

Красный блокнот

Antoine Laurain

LA FEMME AU CARNET ROUGE

© Flammarion, 2014

Published by arrangement with *Editions Flammarion*

Russian Edition Copyright © Sindbad Publishers Ltd., 2016,

2024

Правовую поддержку издательства обеспечивает юриди-

Korpus Prava

ческая фирма «Корпус Права»

© Издание на русском языке, перевод на русский язык,
оформление. Издательство «Синдбад», 2016, 2024

*От серости будней нас спасет только нечто
возвышенное.*

Ален Фурнье

Она попросила водителя остановить такси на углу. До дома оставалось пройти метров пятьдесят. На улице, окрашивая фасады в оранжевый цвет, горели фонари, но она, как всегда, когда возвращалась посреди ночи, почувствовала себя неуютно. Оглянулась назад – никого. На другой стороне улицы, прямо напротив, светились двери трехзвездочного отеля, выхватывая из темноты два стоящих по бокам зе-

ленных растения в горшках. Она остановилась возле своего подъезда и расстегнула внутреннюю молнию сумки, где у нее лежали ключи от квартиры и брелок от входной двери. Дальнейшее произошло очень быстро. Невесть откуда взявшаяся рука – рука мужчины в кожаной куртке – ухватила за ремень ее сумки. По жилам прокатился страх, в долю секунды достигнув сердца и рассыпавшись в нем ледяным дождем. Рефлекторно она прижала сумку к себе. Мужчина дернул сильнее – она не выпускала сумку. Тогда он толкнул ладонью ее лицо, впечатав затылок в металл двери. От удара она пошатнулась. Перед глазами вспыхнули разноцветные огни, похожие на стаю светлячков, плечи судорожно вздрогнули, а пальцы разжались. Мужчина ухмыльнулся. Ремень сумки описал в воздухе полукруг, и мужчина бросился бежать. Она стояла, прислонившись к двери, и смотрела, как тает в ночи его силуэт. В легкие через равные промежутки времени продолжал поступать воздух, но горло горело огнем, а во рту пересохло. Бутылка воды осталась в сумке. Она протянула палец к домофону, вручную набрала код, толкнула дверь и скользнула в подъезд.

За захлопнувшейся дверью из стекла и черного металла она почувствовала себя в безопасности. Присела на мраморные ступеньки и закрыла глаза. Надо подождать, пока мозг успокоится и вернется в рабочее состояние. Как в салоне самолета одна за другой загораются и гаснут световые надписи, сообщающие о правилах поведения, так в голове появлялись

и исчезали вспышки коротких мыслей. «На меня напали. Я сейчас умру. У меня украли сумку. Я не ранена. Я жива». Она подняла глаза к почтовым ящикам. Прочитала на одном из них свои имя, фамилию и номер квартиры. 6-й этаж, левая дверь. Взламывать – ключей-то нет – дверь на шестом этаже в два часа ночи? Эта конкретная мысль оформилась в сознании в следующий вывод. «Я не могу попасть домой, и у меня украли сумку. Я потеряла ее навсегда». Лора только что лишилась части себя самой. Ее лишили. Самым грубым образом. Она озиралась по сторонам, словно надеясь, что сумка сейчас материализуется из воздуха, отменяя свершившийся факт. Но нет, сумки не было. Сумка сейчас где-то там, на улице, болтается на руке убегающего грабителя. Скоро он ее откроет, найдет ключи, документы и ее воспоминания. Всю ее жизнь. Глаза обожгло слезами. В душе бушевал страх, отчаяние, гнев. Она заметила, что руки дрожат, но унять дрожь не смогла. Затылок пронзила острая боль. Лора провела рукой по волосам. Кровь. Пачка носовых платков, разумеется, осталась в сумке.

Часы показывали без двух минут два. Ломиться среди ночи к соседям? Немыслимо. Даже к тому симпатичному парню, фамилии которого она не помнила, – знала только, что он недавно переехал в квартиру на третьем этаже и работает в издательстве, выпускающем комиксы. Пожалуй, единственное, что остается, это пойти в отель. Лампочка в подъезде погасла, и она стала шарить в темноте по стенам в по-

исках выключателя. Когда свет загорелся снова, у нее слегка закружилась голова, так что пришлось прислониться к стене. Надо отдохнуть. Она попросится к ним на ночлег, объяснит, что живет напротив, и скажет, что заплатит за номер завтра. Только бы ночной портье оказался нормальным человеком. Потому что больше идти ей некуда. Она открыла тяжелую дверь подъезда и вздрогнула всем телом. Не от ночной прохлады, а от страха. Как будто фасады домов впитали в себя ужас недавнего нападения и в следующий миг прямо из стены снова появится тот же грабитель. Лора огляделась вокруг. На улице никого. Да нет, он сюда не вернется. Но не всегда легко обуздать свои страхи и отделить возможное от невероятного, особенно в два часа ночи. Она перешла через дорогу и направилась к отелю. Инстинктивным жестом попыталась прижать к себе сумку, но между локтем и бедром зияла пустота. Она шагнула под освещенный козырек, и дверь перед ней с тихим шорохом разъехалась. За стойкой сидел седой мужчина, поднявший на нее глаза.

Он согласился. Не слишком охотно, но, когда Лора потянулась к браслету золотых часов, показывая, что готова оставить их в залог, он поднял руки: дескать, сдаюсь. Эта растерянная женщина наверняка говорила правду; она выглядела порядочной; девять из десяти, что она и в самом деле завтра вернется и оплатит номер за сутки. Она продиктовала ему свое имя, фамилию и адрес. Персоналу гостиницы время от времени приходилось сталкиваться с клиентами, сбе-

жавшими, не заплатив, но в данном случае риск пустить на одну ночь женщину, уверяющую, что последние 15 лет живет в доме напротив, представлялся незначительным. Да, конечно, самым разумным было бы позвонить друзьям, у которых она допоздна засиделась в гостях, но их телефон остался в мобильнике. С тех пор как появились гаджеты, Лора помнила всего два своих номера – домашний и рабочий. Портье предложил ей вызвать слесаря, но эта идея тоже оказалась неосуществимой. У Лоры закончилась чековая книжка, а новую она заказать не успела; банк оформит ее не раньше начала следующей недели; кроме банковской карточки и сорока евро наличными, лежавших в кошельке, больше никаких денег у нее не было. Поразительно, но факт: в ситуациях подобного рода тысячи ничего не значащих деталей, еще час назад представлявшихся пустяками, внезапно объединяются против вас в какую-то враждебную лигу. Портье проводил ее к лифту, поднялся вместе с ней и открыл номер 52 с видом на улицу. Зажег свет, торопливо показал, где ванная комната, и вручил ей ключ. Она поблагодарила, снова пообещав вернуться завтра как можно раньше. Ночник на тумбочке доброжелательно мигнул, словно показывая, что ему немного надоело в пятый раз выслушивать ее уверения. «Я вас понял, мадемуазель. Спокойной ночи».

Лора подошла к окну и распахнула ставни. Окно располагалось на том же уровне, что ее квартира. Она оставила в гостиной включенный торшер и поставила стул перед при-

открытым окном, чтобы Бельфегор мог смотреть на улицу. Глядя отсюда на свой дом, Лора испытывала странное чувство – казалось, сейчас в глубине квартиры мелькнет ее силуэт. Она открыла окно. «Бельфегор, – тихонько позвала она. – Бельфегор!» И быстро зачмокала губами, как умеют делать все, у кого есть кошка. Не прошло и нескольких мгновений, как на стул метнулась черная тень и из окна на нее с изумлением уставились два желтых глаза. Это еще что за новости, говорил их взгляд, – почему хозяйка не дома, а в окне напротив? «Я тут, я тут!» – проговорила она, пожимая плечами. Помахала коту и решила ложиться спать. В ванной комнате нашлись бумажные полотенца, и она подумала, что надо бы промыть рану на голове. Но не успела наклониться над раковиной, как ее снова повело. Хорошо хоть рана больше не кровоточила. Лора взяла махровое полотенце, положила его на подушку и разделась. И как только легла, перед глазами ожила сцена недавнего нападения. Занявшее всего несколько секунд, оно проигрывалось сейчас заново, словно фильм в замедленном темпе. Каждый кадр длился дольше, чем в кино, и плавно перетекал в следующий. Что-то вроде документальной съемки краш-тестов на манекенах. Вам показывают, как выглядит изнутри салон автомобиля, как ливнем опадает от удара ветровое стекло, как кренятся вперед кукольные головы, как гигантским пузырем надуваются подушки безопасности и легко, будто сам собой, сплющивается кузов.

Стоя перед зеркалом ванной, Лоран прекратил попытки

побриться. Электробритва, с урчания которой для него начиналось каждое утро, издавала, едва он включил ее в розетку, предсмертный стон и умолкла. Напрасно он раз за разом нажимал на кнопку «Вкл/Выкл», напрасно стучал по сетке, вставлял вилку в розетку и выдергивал обратно – «Браун 860» с тремя плавающими лезвиями отдал богу душу. Страшно раздосадованный, Лоран все же не решился выбросить бритву – во всяком случае сразу. Он аккуратно положил ее в большую ракушку, десять лет назад привезенную из Греции. В ящике под раковиной у него лежал станок Gillette, но воспользоваться им Лорану помешал второй за утро сюрприз: повернув кран над ванной, он услышал только глухое бурчание. Воду отключили. Объявление висело в подъезде уже неделю, но он про него забыл. Лоран посмотрелся в зеркало. Оттуда на него глядел небритый взлохмаченный мужчина, явно проспавший всю ночь, зарывшись головой в подушку. К счастью, на дне чайника хватило воды, чтобы сварить чашку кофе. Выходя из дому, он покосился на металлическую штору на окнах магазина. Скоро он откроет ее электронным ключом, поздоровается с соседом Жаном Мартелем («Ушедшее время. Антиквариат. Скупка старины»), как всегда, пьющим свой кофе с молоком на террасе кафе Жан-Барта. Потом помашет рукой жене владельца химчистки («Белый голубь. Безупречная чистота»), и она из-за стекла махнет ему в ответ. Потом, уже подняв штору, привычно оглядит собственную витрину: «Новинки», «Классика»,

«Лидеры продаж». Рядом – «Выбор читателей» и «Не пропустите!». К половине одиннадцатого придет Мариза, вслед за ней явится Дамьен. Команда будет в сборе – можно начинать работу. Открывать коробки новых поступлений, отвечать на вопросы покупателей. «Я ищу одну книгу ... Автора не помню, названия тоже. Там действие происходит во время Второй мировой войны ...» Давать советы: «Мадам Бертье, этот роман вам наверняка понравится. Вы хотели почитать что-нибудь легкое, для удовольствия. Гарантирую, что от этого автора вы будете в восторге». Делать заказы: «Добрый день! Это “Красный блокнот”. Мне нужно три экземпляра “Дон Жуана” Мольера в карманном издании “Школьной библиотеки”». Оформлять возвраты: «Добрый день! Говорит “Красный блокнот”. Я вынужден вернуть вам четыре экземпляра “Летней грусти”. Она не идет, а я обновляю выкладку». Договариваться с издателями: «Добрый день! Это Лоран Летелье из “Красного блокнота”. Я хотел бы организовать автограф-сессию с вашим автором ...»

Когда-то в его книжном располагалось хиревшее на глазах кафе «Кельт». Владевшая им пожилая супружеская чета, не чаявшая, как от него избавиться и вернуться в родную Овернь, встретила Лорана с распростертыми объятиями. У кафе имелось существенное преимущество – прямо над ним находилась жилая квартира. С одной стороны, большой плюс: не надо тратить время на дорогу на работу. Но с другой – минус: получается, что с работы вообще не ухо-

дишь.

Лоран обогнул сквер, на который выходил «Красный блокнот», и пошел по улице Пантий. В руке он держал последний роман Фредерика Пишье «Небесная корона». На будущей неделе автор собирался прийти в магазин на встречу с читателями, и Лоран хотел просмотреть свои заметки, сделанные прямо на полях книги, за чашкой двойного эспresso на террасе «Надежды» – кафе, куда он имел обыкновение заглядывать по утрам. В книге рассказывалось о судьбе крестьянской девушки в годы Первой мировой. Это был четвертый роман Пишье, которого прославили «Песчаные слезы» – повесть о солдате наполеоновской армии, влюбившемся в молодую египтянку. Автор обладал несомненным даром показывать страдания героев на фоне грандиозных исторических событий. Критики пока не пришли к единому мнению относительно того, к какому разряду его причислить: бойких беллетристов или настоящих писателей? Одни считали так, другие – эдак. Но как бы то ни было, его книги хорошо продавались, и автограф-сессия наверняка соберет много народу. Пискнул мобильник – Мариза прислала сообщение. Электричка, на которой она добиралась из пригорода, встала, поэтому Мариза скорее всего немного опоздает к открытию магазина. «Держите меня в курсе», – ответил он и свернул на улицу Виван-Денон. Проходя мимо дома номер шесть, он поднял глаза – проверить, открыто ли окно у его покупательницы мадам Мерлье. Читающая запоем ста-

рушка, удивительно похожая на покойную актрису Маргерит Морено, обычно поднималась ни свет ни заря. «Если окна у меня закрыты, месье Летелье, – как-то сказала она ему, – значит, я или умерла, или умираю». Они тогда договорились, что при виде ее запертых ставен он немедленно позвонит по номеру 18, в Службу спасения. Но в доме шесть все оказалось в полном порядке – ставни были широко распахнуты. Кстати, чуть ли не единственные во всем доме: народ субботним утром отсыпался, и квартал выглядел безлюдным. Лоран вышел на улицу Пас-Мюзет. Кафе «Надежда» располагалось в самом ее конце, на углу бульвара, где по выходным устраивали рынок. Возле многих дверей стояли в ожидании уборщиков мусорные баки; кое-где рядом громоздились сломанные стулья и другие предметы вышедшей из употребления мебели. Лоран прошел мимо очередного мусорного бака и вдруг замедлил шаг (мозгу потребовалось несколько секунд, чтобы увиденное отпечаталось в сознании), после чего остановился и вернулся назад.

На крышке бака лежала дамская сумочка. Кожаная, лилового цвета, в прекрасном состоянии. Со множеством кармашков, застежек-молний, двумя широкими ручками, длинным ремнем и фурнитурой под золото. Лоран инстинктивно оглянулся, что было глупо: не думал же он, что из воздуха материализуется женщина и заявит: «Это мое». Судя по тому, что сумка лежала на крышке бака, она была не пустая. Пустую и порванную хозяйка выбросила бы в бак. Хотя, ес-

ли задуматься ... Разве женщины выбрасывают сумки? Лоран вспомнил женщину, что делила с ним жизнь на протяжении двенадцати лет. Нет, Клер не выбросила ни одной своей сумки. У нее их было несколько, на каждый сезон. Она и обувь не выбрасывала. Если у нее на босоножках рвался ремешок, она несла их в починку. Но даже если спасти босоножки было уже нельзя, Лоран не помнил, чтобы хоть раз видел их в мусорном ведре, среди картофельных очисток. Они куда-то исчезали таинственным образом. Но, вопреки этим рассуждениям, вернувшим его к давним воспоминаниям, оставалась вероятность, что владелица сумки избавилась от нее добровольно. С другой стороны, тот факт, что такая хорошая сумка лежит на крышке мусорного бака, свидетельствовал в пользу более неприятной гипотезы. Например, что сумку украли. Лоран взял ее в руки. Открыл молнию. И обнаружил, что внутри имеется довольно много того, что на канцелярите именуется «личными вещами». Он склонился над содержимым сумки, но в этот миг из двери черного хода вышла девушка, тянувшая за собой чемодан на колесиках. Пройдя мимо Лорана, она обернулась, встретилась с ним взглядом, ускорила шаг и в следующий миг скрылась за углом. Только сейчас до него дошло, до чего подозрительно он выглядит: небритый лохматый мужчина стоит над мусорным баком и роется в дамской сумке ... Он быстро закрыл молнию. Теперь перед ним со всей неотвратимостью встал вопрос морально-этического свойства: забрать сумку

с собой или пройти мимо. Ведь где-то в городе горюет женщина, лишившаяся своего имущества и уверенная, что оно никогда больше к ней не вернется. «Только мне одному известно, где ее сумка, – сказал себе Лоран, – и, если я ее здесь оставлю, ее увезут мусорщики или украдет кто-нибудь еще». Он принял решение. Взял сумку и пошел. Комиссариат полиции располагался минутах в десяти ходьбы. Он сдаст им сумку, заполнит два-три бланка, а потом отправится в кафе.

Странное это было ощущение. Как будто ему доверили чужую собаку и она идет за ним, но с оглядкой. Лоран и в самом деле держал ремешок сумки, как собачий поводок, накрутив на руку, чтобы меньше бросался прохожим в глаза. Он нес предмет, явно ему не принадлежащий и абсолютно неуместный в мужских руках. Еще одна женщина наткнулась взглядом на его сумку и тут же посмотрела на Лорана. Чем дальше он брел по бульвару, тем неуютнее себя чувствовал. Казалось, все до единого встречные косятся на него с недоумением: действительно, мужик с дамской сумочкой! Да еще лиловой! Он и вообразить себе не мог, что десятиминутная прогулка обернется такой неловкостью. Кстати, Клер, он хорошо это помнил, несколько раз просила подержать ее сумку – когда, например, у дверей подъезда вспоминала, что забыла дома сигареты, или когда ей надо было зайти в туалет в ближайшем кафе. И Лоран стоял посреди улицы с дамской сумкой в руках. Он и тогда – сущая правда – испытывал неловкость, но совсем недолго, потому что Клер вскоре воз-

вращалась и забирала свое имущество. В те редкие минуты Лорану случалось ловить на себе взгляды женщин, понимающих, что он держит вещь, принадлежащую одной из их сестер, но в этих взглядах не было презрения – разве что легкая ирония. Стоит себе человек на улице и ждет жену. Это было так же очевидно, как если бы он, на манер человека-бутерброда, нацепил на себя плакат с надписью «Моя жена сейчас вернется». Ему навстречу попала стайка старшеклассниц в джинсах и конверсах. Они расступились, пропуская его, и его ушей коснулось фыркание, сменившееся дружным смехом. Над чем они смеялись? Может, над ним? Он бы предпочел этого не знать. Какие чувства он вызывает у прохожих? Насмешку? Или подозрения? Он перешел на другую сторону улицы и нырнул в переулок. До комиссариата можно добраться и в обход.

Свет в приемную – комнату с серовато-бежевыми стенами – проникал сквозь окно без ручки с матовым стеклом. Пластиковые стулья, стол из ДСП. Двери двух кабинетов распахнуты настежь. Отдел, принимающий заявления о кражах, больше всего напоминал чистилище для женщин, лишившихся своих сумочек. Их здесь было пятеро, молодых и не очень, молчаливо ожидавших своей очереди. В одном из кабинетов пожилая дама с палочкой, утирая слезы, рассказывала свою историю; ее лоб закрывала толстая марлевая повязка. Пришедший вместе с ней седой мужчина явно чувствовал себя не в своей тарелке и не знал, куда девать глаза.

Лоран находился в одном из тех ужасных мест, куда лучше не попадать, – вроде отделений неотложной помощи, служебных кабинетов таможенников в аэропорту, исправительных заведений и т. п. Проходя мимо одного из таких учреждений, мы тихо радуемся, что сейчас не там, а здесь, на улице, даже если с неба льет как из ведра. «Да что толку-то? – вслух произнесла невысокая брюнетка, читавшая “Вог”. – Все равно никто нам наших сумок уже не вернет». Мимо них прошествовал молодой офицер с толстой пачкой отксерокопированных документов.

– Извините, – обратился к нему Лоран. – Я тут нашел сумку ...

Все пять сидевших в очереди женщин немедленно обратили на него взоры.

– Это не ко мне, – тотчас ответил Лорану офицер. – Вам надо вон в тот кабинет.

Из кабинета как раз выходил крупный мужчина с бритым черепом и маленькими глубоко посаженными глазками. Он провожал очередную посетительницу. В дверях он остановился и посмотрел на Лорана и его лиловую сумку.

– Я сумку принес ... – повторил Лоран. – Нашел на улице.

– Прекрасный гражданский поступок! – отозвался бритоголовый. Он говорил густым сочным басом. – Амели! – позвал он, и на его призыв из того же кабинета показалась белокурая пухленькая женщина. – Я говорю месье, что он совершил прекрасный гражданский поступок. – Ему самому

явно нравилась отточенность собственных формулировок. — Он принес нам найденную сумку!

— Как замечательно! — подхватила Амели.

Лоран слышал в ее голосе искреннее уважение к мужчине, не пожалевшему времени для спасения дамской сумочки.

— Сами видите, — продолжил бритоголовый, правда, теперь его бас звучал чуть устало, — у нас тут очередь ... Я смогу вас принять ... скажем ... — Он бросил взгляд на часы. — Скажем, через час.

— Не раньше, чем через час, — мягко поправила его Амели, и он согласно кивнул головой.

— Может, я завтра утром зайду? — предложил Лоран.

— Как вам будет удобно, — ответил полицейский. — Мы работаем с девяти тридцати до часу и с двух до семи.

— Вы можете отнести сумку в бюро находок, месье, — добавила его коллега. — Улица Морийон, дом тридцать шесть. Это в Пятнадцатом округе.

Когда он выходил из комиссариата, пришла еще одна эс-эмска. Электричка наконец тронулась, но к открытию магазина Мариза все равно не успевает. Лоран прошел мимо кафе «Надежда», даже не замедлив шага, — ничего, прочтет заметки о романе Пишье на работе. Перед жилым домом стоял зеленый грузовичок, и два молодых парня с наушниками на головах с грохотом опрокидывали в нутро машины мусорные баки. Опоздай он на несколько минут, и сумка точно сменила бы владельца, а то и вовсе отправилась на городскую

свалку, где ее красотой наслаждались бы одни только чайки. Временный хранитель чужого имущества, Лоран поднялся в квартиру, положил сумку на диван и отправился открывать магазин. Можно было начинать день.

В половине первого оба дневных портье, прочитавшие странноватую записку своего ночного коллеги, забеспокоились. Женщина давным-давно должна была освободить номер, во всяком случае – до двенадцати часов точно. Один из них решил пойти проверить, в чем дело. Прихватив с собой мастер-ключ, он поднялся к номеру 52 и приложил к двери ухо: не шумит ли вода в душе. Не очень-то приятно войти в номер и обнаружить перед собой выходящую из ванной комнаты голую женщину; один раз с ним такое случилось, и он не имел ни малейшего желания повторять этот опыт. За дверью номера 52 царила тишина. Он несколько раз постучал в дверь, не дождался ответа и открыл дверь мастер-ключом.

– Мадам, это портье, – сказал он, протягивая руку к выключателю. – Вы не освободили номер, поэтому я позволил себе ...

Он не договорил. Лора лежала в постели, полуприкрытая одеялом. Она не открыла глаз на его голос. Спит? Он подошел поближе. Голова ее покоилась на подушке.

– Мадемуазель! – позвал он, сделал еще шаг вперед и повторил, уже громче: – Мадемуазель! – Чувство, что что-то не так, крепло в нем с каждой секундой. – Что за хрень, – пробормотал он себе под нос и снова громко произнес: – Маде-

муазель! – уже уверенный, что не получит ответа. Он приблизился к самой постели. Женщина лежала неподвижно, ее лицо с правильными чертами казалось спокойным, но его тревога усилилась. «Хорошенькая ...» – мелькнула непрощенная мысль, но он отогнал ее и заставил себя прислушаться: она вообще дышит? Вроде дышит ... Он протянул руку и коснулся ее плеча. Никакой реакции. Он легонько потряс ее: – Мадемуазель!

Она не открыла глаз и не пошевелилась. Портье устался на ее обнаженную грудь: поднимается или нет? Точно, дышит! На балкон, шумно хлопая крыльями, уселся голубь, и от неожиданности портье вздрогнул. Подошел к окну и решительным движением распахнул ставни, впустив в комнату солнечный свет. Голубь тут же улетел. В окне дома напротив он заметил черного кота – тот сидел на стуле и смотрел своими прозрачными глазами прямо на него. Портье снял с телефона трубку и набрал «девятку», номер регистрационной стойки.

– Жюльен, – сказал он. – У нас проблема с постоялицей из пятидесят второго ...

Пока он говорил, его взгляд упал на подушку. Под головой Лоры лежало махровое полотенце, и на нем, склеив волосы, запеклось обширное кровавое пятно.

– Серьезная проблема, – уточнил он. – Срочно звони в неотложку.

Получасом позже Лора ехала по тротуару на складной ка-

талке. Метрах в тридцати от отеля ее поджидал красный реанимобиль. Звучали слова: «гематома», «черепно-мозговая травма» и «кома».

Он стоял под горячим душем и, зажмурившись, смывал с лица шампунь. Сегодня Лоран продал 28 романов, девять подарочных изданий, семь детских книг, пять комиксов, четыре сборника эссе, три путеводителя по Парижу и Франции, заполнил четыре карточки постоянных покупателей и сделал 14 заказов. Рабочий день закончился. Он закрыл магазин и поднялся в квартиру, чтобы с удовлетворением убедиться: воду дали. Весь день ему пришлось расточать смущенные улыбки, извиняясь за свой непрезентабельный вид. Один из клиентов нашел, что он косит под Шатобриана, другой заметил, что он похож на Рембо с полотна Фантен-Латура «Угол стола», правда, исключительно прической. Лоран вытерся полотенцем и достал из ящика бритвенный станок и старый флакон пены для бритья – молодец, что не выбросил. Он побрился, надел чистые джинсы и белую сорочку, обулся в мокасины и зачесал назад волосы. Теперь он был готов открыть сумку – так мужчина прихорашивается, собираясь повести даму в ресторан.

Ящик электронной почты был забит разнообразным спамом. Большинство корреспондентов, обращаясь к нему по имени, горячо рекомендовали приобрести новую страховку или элитный тур, причем за половину цены. «Не тяните, поезжайте!» – призывал один. «Лоран, тебе пора в отпуск!» –

с чисто сетевой фамильярностью убеждал второй. Попадались здесь и всякие диковины, какими богат интернет, вроде зонтиков для собак. Автор спама на полном серьезе предлагал Лорану срочно купить этот необходимый в каждом доме предмет, настаивая на том, что «ваш любимец скажет вам спасибо». Ни одного личного письма в сегодняшней информационной помойке не обнаружилось. Странно, он ведь договаривался с дочкой, что они пойдут ужинать. Наверное, скоро пришлет эсэмэску. Хлоя никогда не забывала о назначенной встрече с отцом. Он достал из холодильника остатки картофельной запеканки с мясом и открыл бутылку фиксена – один из благодарных клиентов преподнес ему целый ящик этого вина. Лоран поднес к губам бокал – бургундское оказалось выше всяких похвал. Не выпуская из рук бокала, он прошел в гостиную.

Сумка так и лежала на диване. Он потянулся к ней, но тут пискнул мобильник – эсэмэска. Писала Доминика. «Может сегодня но попозже жуткий день полно работы, все потом объясню. Биржу трясет, если слушал новости поймешь чем я занята. Целую». Лоран сделал еще глоток и отправил скупой ответ: «Целую. Потом все расскажешь». Затем уселся по-турецки на полу перед диваном и осторожно взял в руки сумку. Красивая. Лиловая кожа двух оттенков, золотистые нашлепки, на боку – кармашки разного размера. У мужчин таких не бывает. С чем они ходят? С портфелем, в крайнем случае – с атташе-кейсом стандартной формы и размера, созданным

с единственной целью – служить вместилищем для бумаг. Лоран снова глотнул вина. Его не покидало ощущение, что он совершает что-то нехорошее. Нарушает какие-то незыблемые правила. Мужчина не должен рыться в дамской сумке. Это неписаный закон, который соблюдается повсеместно, даже в самых отсталых обществах. И всегда соблюдался. Вряд ли мужья в набедренных повязках осмеливались искать отравленную стрелу или сладкий корешок в принадлежащем супруге кожаном мешке. Лоран еще ни разу в жизни не открывал дамскую сумку. Ни сумку Клер, ни – в детстве – сумку матери. Иногда ему говорили: «Возьми ключи, они у меня в сумке» или «Достань мне из сумки носовые платки». Он выполнял просьбу – вернее, не просьбу, а приказ, – но, запуская руку в дамскую сумку, понимал, что делает это на законных основаниях, пользуясь разрешением с ограниченным сроком действия. В самом деле, если по истечении десяти секунд ключи или носовые платки не находились и он пытался углубить поиски, владелица немедленно отбирала свое имущество, сопровождая жест кратким комментарием, неизменно формулируемым в повелительном наклонении: «А ну дай сюда!» – после чего из сумки мгновенно извлекались ключи и платки.

Он бережно потянул за ушко застежки-молнии и открыл сумку. На него пахнуло теплой кожей и женскими духами.

Вообще-то говоря, мне нужна подруга, которая была бы моей точной копией. Уверена, я стала бы себе идеальной по-

другой.

Сегодня приснилось. Бельфегор превратился в мужчину. Я очень удивилась, но в то же время восприняла это как должное. Я точно знала, что это он, и как мужчина он мне понравился. Мы были в каком-то дворце, выпили по бокалу в баре и пошли в спальню. Легли в постель, а потом занимались любовью на террасе (было очень хорошо). Когда я проснулась, он лежал, уткнувшись своим носом в мой (на-яву, а не во сне). **НЕ ЗАБЫТЬ КУПИТЬ УТИНЫЕ КРОКЕТЫ.**

Люблю гулять вдоль берега моря, когда на пляже почти не остается народу.

Мне нравится название коктейля «американо», хотя я предпочитаю мохито.

Люблю запах мяты и базилика.

Люблю спать в поезде.

Люблю картины с пейзажами без людей.

Люблю, как в церкви пахнет ладаном.

Люблю бархат и панбархат.

Люблю рисовать в парке.

Люблю Эрика Сати. **НЕ ЗАБЫТЬ КУПИТЬ ПОЛНЫЙ АЛЬБОМ САТИ.**

Боюсь птиц (особенно голубей).

Надо вспомнить, чего еще я боюсь.

Когда я захожу в вагон метро, сразу отмечаю, кто из мужчин входит в категорию «может быть». (Ни разу не

знакомилась с мужчинами в метро.)

Пора порвать с Эрве. Он – зануда. Иметь дело с занудой – это тихий ужас.

Люблю огонь в камине. Люблю запах горящих дров. И запах костра.

Порвала с Эрве. Не люблю ни с кем порывать. Надо вспомнить, чего еще я не люблю.

Было почти одиннадцать вечера. Он по-прежнему сидел на полу в окружении разнообразных предметов и читал принадлежащую незнакомке толстую общую тетрадь в красной коленкоровой обложке, содержащую ее мысли, изложенные на десятках страниц. Некоторые фразы были зачеркнуты, другие обведены, третьи – выписаны заглавными буквами. У нее был красивый мягкий почерк. Записи в дневнике она явно делала от случая к случаю, повинаясь мимолетному желанию, возможно, сидя на террасе кафе или в вагоне метро. Лоран как зачарованный читал ее заметки – неожиданные, трогательные, смешные, откровенные. Он открыл дверь, ведущую в душу женщины с лиловой сумкой и, хотя у него давно затекли ноги, не мог оторваться от красной тетради. Ему вспомнились слова Саши Гитри: «Смотреть на спящего человека – все равно что читать чужое письмо». Бутылка вина наполовину опустела, а картофельная запеканка так и стояла забытая на кухонном столе.

Первым он выудил из сумки черный стеклянный флакон. Духи «Хабанита» от «Молинара». Он пшикнул в воздух, и

вокруг разлился аромат иланг-иланга и жасмина. Затем настал черед связки ключей с брелоком – золоченой пластинкой с выгравированными на ней иероглифами. За ключами последовала небольшая записная книжка-ежедневник. Напротив некоторых дней стояли отметки о встречах с указанием времени и имени, иногда фамилии. Ни адресов, ни номеров телефона. Сейчас, в середине января, в ежедневнике были заполнены только первые 15 страниц. Лорану эта книжечка была хорошо знакома – он продавал такие у себя в «Красном блокноте», в отделе канцтоваров. Владелица ежедневника не потрудилась указать свои координаты на первой чистой странице, как раз для этого и предназначенной. Последняя встреча, если верить записи, имела место вчера: «20.00, ужин у Жака и Софи + Виржини». И опять – ни адреса, ни телефона. На следующей неделе был отмечен всего один день – четверг, напротив которого стояла пометка: «18.00, химчистка (платье на бретельках)». Затем он вытащил кожаную косметичку фиалково-оранжевого цвета, содержащую всякие тюбики и коробочки, а также кое-какие «инструменты», в том числе толстую кисточку, которой он, не удержавшись, провел себе по щеке. За косметичкой последовали: позолоченная зажигалка, шариковая ручка «Монблан» (возможно, та самая, которой делались записи в дневнике), пакетик лакричных леденцов (он сунул в рот одну конфетку, почувствовав, как к букету фиксена добавилась приятная древесная нота), маленькая бутылка минеральной воды «Эвиан»,

заколка с голубым матерчатым цветком и пара игральные кости из красного пластика. Лоран зажал кости в ладони и уронил на пол. Выпало 5 и 6. Неплохо. Так, что там еще? Рецепт приготовления сладкого мяса, вырванный из женского журнала, похоже, из «Эль». Пачка носовых платков. Зарядник, но, разумеется, никакого мобильного. Как и кошелька. И документов.

В сложенном пополам конверте обнаружились три цветные фотографии. Седовласый мужчина лет шестидесяти в красной рубашке-поло и бежевых брюках стоял, улыбаясь, в сосновой роще. С ним рядом – женщина примерно тех же лет, в сиреновом платье и солнечных очках, протягивала руку навстречу фотографу. Снимок был явно старый, сделанный лет двадцать, если не тридцать, назад. На следующем – еще один мужчина, гораздо моложе, с коротко стриженными каштановыми волосами. Он, скрестив руки, стоял рядом с яблоней. На третьем Лоран увидел дом с садиком – посреди сада росло высокое дерево. Определить, где находится дом, не представлялось никакой возможности. Ни одна из фотографий не была подписана. Очевидно, это были снимки родственников или близких людей, но сказать, кто они такие, могла только владелица сумки.

Сумка казалась бездонной. Лоран решил, что хватит доставать из нее предметы по одному, и, сунув руку в левый боковой карман, вытащил сразу журнал «Парископ», гигиеническую помаду, пакетик эффералгана, шпильку и кни-

гу. «Ночное происшествие» Патрика Модиано. Лоран замер. Значит, незнакомка читает Модиано! На миг ему показалось, что склонный к мистике писатель, озабоченный проблемами памяти и поиска идентичности, ему подмигнул. Когда же вышла эта книга? Вроде бы в начале 2000-х ... Лоран открыл томик на титульной странице и посмотрел, что написано внизу. «Галлимар», 2003. Но сквозь эту страницу просвечивала следующая, и на ней была какая-то надпись. Он перевернул страницу. Прямо под названием ручкой были выведены две строчки: «Лоре, в память о нашей встрече под дождем. Патрик Модиано». Буквы заплесали у Лорана под глазами. Модиано, самый таинственный из французских писателей! Он не участвовал в автограф-сессиях и почти не давал интервью. Его манера говорить – неуверенная, словно речь пересыпана вопросительными знаками, – давно вошла в легенду. Да он и сам был живой легендой. Человек-загадка. И читатели вот уже почти сорок лет пытались ее разгадать, ища подсказки в каждом очередном романе. Чтобы Модиано подписал книгу – это было что-то из области фантастики. Но вот они, выведенные пером строчки ...

Автор «Улицы неосвященных лавок» только что сообщил ему имя владелицы сумки.

Боюсь красных муравьев.

Боюсь проверять свой банковский счет. Когда кликаю на «Текущий баланс», у меня рука дрожит.

Боюсь, когда в квартире рано утром звонит телефон.

Боюсь ездить в метро в час пик.

Боюсь того, что время проходит.

Боюсь вентиляторов – сама не знаю почему.

Лоран с трудом оторвался от чтения красной тетради. Надо проверить, что еще лежит в сумке, – может, найдется хоть какой-то намек на имя или адрес. Карманов у сумки оказалось несколько, некоторые на молнии, другие нет. Лоран и не подозревал, что дамская сумка таит в себе такое множество всяких укромных местечек, и исследовать каждое – задача, достойная детектива. Он вроде бы осмотрел их все, но снова и снова натываясь на очередную выпуклость, извлек таким образом камешки – очевидно, подобранные где-то на память. В разных углах сумки их обнаружилось три штуки, разной формы и размера. Еще нашелся каштан – наверное, из какого-то парка.

Он прервался, подошел к окну и распахнул его, впустив в комнату ночной холод. В сквере не было ни души. У Лорана немного кружилась голова – то ли действовало выпитое на пустой желудок вино, то ли все еще пестревшая в глазах коллекция разнородных предметов. Он сам не понимал, что с ним. И уже собирался вернуться к изучению содержимого сумки, когда звякнула эсэмэска. Он совсем забыл про Доминику! «Буду у тебя через 15 мин, надеюсь еще не спишь». Так и не довершив начатое, он быстро собрал в сумку разложенные на полу вещи, мимоходом почувствовав легкое раздражение: ну вот, из-за Доминики не удастся довести расследо-

вание до конца, – и убрал сумку на полку стенного шкафа. Причесываясь перед зеркалом, он подумал, что мог бы оставить все как есть и объяснить Доминике, что произошло. Но почему-то подобная перспектива его не привлекала. И дело было не только в свойственной Доминике ревливой подозрительности. Лорану просто не хотелось ни с кем делиться своей находкой. Загадка Лоры, поклонницы Модиаго, никого не касалась. Никого, кроме него.

– Здесь была женщина.

– Что-что? – не понял Лоран.

Доминика пристально смотрела на него своими черными глазами. Короткая стрижка подчеркивала тонкие черты ее лица, отчего она вдруг напомнила ему хищную птицу.

– Никаких женщин здесь не было, – ответил Лоран настолько уверенно, насколько был способен в этот поздний час.

Каким, спрашивается, образом она догадалась, что двадцать минут назад в комнате лежали женские вещи? Говорят, женщины наделены шестым чувством. Но то, что происходило в данную минуту, больше походило на колдовство. Доминика наклонила бокал с вином и стряхнула в хрустальную пепельницу пепел с сигареты.

– Духами пахнет, – с заговорщическим видом произнесла она.

Черный флакон из сумки! Дернул же его черт пшикнуть из него духами! Значит, в квартире до сих пор веяло аро-

матом «Хабаниты». А ведь он нажал на распылитель всего один раз, и с того момента прошло не меньше двух часов. Но Доминика, словно охотничий пес, учуяла присутствие в атмосфере флюидов, которые ни один мужской нос – в этом Лоран не сомневался – не уловил бы ни за что и никогда.

– Да не было здесь женщин! Клянусь тебе ... здоровьем дочери! Клянусь своим книжным! Чтоб мне разориться, если здесь побывала женщина! – Лоран говорил, взвешивая каждую фразу. На самом деле клясться он мог чем угодно, он ведь не врал. Женщина не заходила в его квартиру. Сюда «зашла» только ее сумка.

Доминику его объяснение вроде бы удовлетворило.

– Я тебе верю, – сказала она. – Ты суеверный, ты не стал бы бросаться такими словами.

Затем она рассказала, что весь вечер следила за тем, как лихорадило биржу и на экранах отображались – с учетом разницы во времени – миллиардные цифры сделок со всего мира; информация нужна была ей для колонки в крупной ежедневной газете, где она вела экономический раздел. Еще у Доминики была своя передача на радио, а иногда ее показывали по информационному каналу на телевидении. Он всегда испытывал странное чувство, глядя, как женщина, с которой он делит ночи, спорит на экране с другими журналистами, а порой и с крупными шишками. Собственно говоря, они и познакомились на телевидении. Лорана пригласили принять участие в передаче, посвященной одной из книж-

ных новинок, а Доминика ждала очереди для съемок передачи по экономике. Книгу, о которой шла речь, она уже успела прочитать; та ей понравилась, о чем она и сообщила Лорану. На следующей неделе в «Красном блокноте» устраивали автограф-сессию с автором, и Лоран сказал, что будет рад ее видеть. Он собирался закрывать магазин, когда обнаружил, что она все еще здесь. На краткий миг их взгляды встретились – это был тот самый миг, в который толком не знакомые мужчина и женщина без слов дают понять друг другу, что эта встреча – не последняя.

– Поздно уже, – сказала Доминика, направляясь в спальню.

Лежа в постели и обнимая ее, Лоран нет-нет да и поворачивал голову в сторону шкафа, где хранилась спрятанная сумка. Доминика приникла к нему с поцелуем, а у него в мозгу неотступно крутилась фраза: «Боюсь красных муравьев».

Лоран повернулся на другой бок и обнаружил, что в постели он один. Бросил взгляд на будильник: шесть утра. Доминика просыпалась рано, но никогда не уходила раньше семи и обязательно заглядывала к нему попрощаться. Лоран встал. Она, полностью одетая, стояла возле входной двери.

– Уже уходишь?

– Ухожу.

– Почему ты на меня так смотришь? – удивился Лоран.

– Я оставила тебе записку. На журнальном столике, – холодно ответила Доминика, потуже затягивая пояс пальто.

Лоран!

Раз уж ты так любишь клясться, тебе следует озаботиться здоровьем дочери и финансовым положением твоего магазина. Я сегодня рано поднялась и на минутку прилегла на диван. Вот что я нашла у тебя на ковре. Возможно, нам надо это обсудить. Или не надо. Думай сам. Я не собираюсь делать первый шаг – и в этом тебе клянусь.

Доминика

Внизу записки, на самом виду, лежала шпилька. Собирая вещи в сумку, Лоран оставил ее на ковре.

– Ты, конечно, скажешь, что это шпилька твоей дочери.

– Нет, это не ее шпилька. Подожди, я сейчас все тебе объясню ...

Лоран достал из шкафа сумку и положил ее на журнальный столик.

– Час от часу не легче, – пробормотала Доминика, не ожидавшая от Лорана такой прыти. – Она у тебя уже и сумку оставляет! Ну, я слушаю. Даже интересно, чем ты меня повеселишь.

– Я нашел ее на улице.

– Ты что, издеваешься?

Лицо Доминики внезапно утратило всякое выражение. Лорана охватило отвратительное чувство ни в чем не повинного, но подозреваемого в самых страшных преступлениях человека, которому не верит никто, даже собственный адво-

кат.

– Нет, – пролепетал он, – я не издеваюсь. Вчера утром я нашел ее на улице. На улице Пас-Мюзет, если быть точным.

Доминика медленно покачала головой. Ее взгляд из холодного сделался ледяным.

– На улице? Сумку? И не пустую?

– Ну да! Ее украли. Украли, понимаешь?

– А что, позвошь спросить, эта украденная сумка делает у тебя в шкафу?

Лоран открыл было рот, чтобы ответить, но Доминика не дала ему такой возможности.

– И почему ты не поведал мне эту экзотическую историю вчера вечером?

– Ну, потому что ...

– Потому что ты не думал, что я найду на ковре ее шпильку! – Она повысила голос.

Лоран растерянно молчал.

– Я еще вчера заметила, что здесь пахнет ее духами, – продолжала Доминика, обводя глазами комнату. – Я сразу догадалась, в чем дело. И ты был вчера сам на себя не похож.

– Да нет же, нет, то есть да, это ее духи, но ... Это я ими пошпикинул, – заговорил он, роясь в сумке. – Где же этот флакон? Я сейчас тебе покажу, он где-то здесь ... В ваших сумках сам черт ногу сломит, – пробурчал он и тут же громко воскликнул: – Вот он! – и с видом триумфатора нажал на распылитель.

В утреннем воздухе разлился нежный аромат.

– Потрясающая демонстрация, – бесцветным голосом произнесла Доминика. – Передай ей, что мне ее духи не понравились.

Лоран услышал, как хлопнула входная дверь. Он так и стоял посреди гостиной, держа в руке черный флакон «Хабаниты».

Потом, опомнившись, кое-как натянул джинсы и майку, сунул ноги в мокасины и бросился догонять Доминику. Он успел увидеть, как за угол сквера поворачивает такси. Он набрал ее номер, но попал на автоответчик. Лоран не стал оставлять сообщения. Зайдя в бар Жан-Барта, он увидел Жана Мартеля, только что вернувшегося с барахолки. Антиквар расставил на стойке бара несколько табакерок и внимательно изучал их с помощью карманной лупы.

– Это как в детективе, – сказал он. – Находишь улику и тянешь за ниточку ...

– И что же тут за улика? – устало спросил Лоран.

– Вот на этой есть полустертый герб, по-моему, графский. Если удастся его опознать, не исключено, что нас ждет сюрприз ...

Лоран молча кивнул старику-антиквару, заплатил за кофе и вернулся домой. Сумка стояла на столе. Рядом с ней лежала записка. «Возможно, нам надо это обсудить. Или не надо. Думай сам». Ладно, он позвонит ей днем, попозже. Но какая несправедливость! Ну хорошо, обстоятельства действительно-

но свидетельствовали против него, но почему его лишают права на самозащиту? Впрочем, он ведь попытался оправдаться. Только Доминика ему не поверила.

Он выпил кофе и сел за компьютер. Открыл почту. Опять куча спама. И в первом эшелоне – настойчивое предложение приобрести зонтик для собаки. Вот привязались.

От кого: kloestar@gmail.com

Кому: laurent_letellier@hotmail.com

Тема: встрч со Мной

Привет, мудрый книжник!

Не передумал насчет четверга? Жди меня в кафе «У Франсуа» в 18.00. Кафе с террасой рядом с лицеем, слева, там еще рядом большое дерево и памятник, мы там с тобой обедали месяц назад. Садись за столик на террасе, лицом к улице. Надень черную куртку и белую рубашку. И джинсы темно-синие, которые мы тебе купили в ту субботу. Потом пойдем ужинать. Что ты мне приготовишь? Я бы поела мясного супа. Чмоки.
Х.

Лоран улыбнулся. Можно подумать, ему пишет требовательная любовница. На самом деле письмо было от его пятнадцатилетней дочери. Хлоя – хорошенькая, но с характером, а по мнению матери, «та еще штучка», – на развод родителей реагировала по-своему. «Мне кажется, это разумный шаг, – с высоты своих двенадцати лет объявила она отцу. – Но я не хочу быть в проигрыше». – «В каком смысле? – не понял Лоран. – Что ты имеешь в виду?» – «Я имею в виду,

что вы должны давать мне в два раза больше карманных денег». — «Что-что?» — изумился Лоран. «И еще. Раз я буду жить с мамой, то мне нужен кот». На сей раз Лоран не стал переспрашивать. Он просто опустил в велюровое кресло и некоторое время молча рассматривал пигалицу, которая, если верить ученым, появилась на свет в результате соединения его собственных генов с генами Клер. Что-то сместилось в этом мире, подумал он. Попробовал бы он в детстве выступить с такой же нахальной претензией. Или, скажем, его супруга. Подобное и вообразить было нельзя. «В соседнем доме отдают котенка, девочку, беленькую», — пару недель спустя сообщила Хлое мать. «Нет, девочка мне не нужна. Мне нужен кот. Крупный. Породы мейнкун». Клер передала это требование Лорану. Каждую фразу своей речи она начинала со слов: «Твоя дочь ...» Теперь Хлоя жила с матерью и мейнкуном — здоровенным котищем, по сравнению с которым все остальные кошки выглядели недомерками. Кот целыми днями сидел в комнате Хлои, выбираясь только к миске с едой или к лотку с наполнителем. Гладить себя он не позволял никому, кроме хозяйки; с высокомерным видом шествуя через гостиную, на глазах несчастной Клер останавливался поточить когти о диванную обивку и исчезал в своих владениях.

«Конечно, моя хорошая, — настукал Лоран. — Буду на месте. Супом обеспечу. И, очень тебя прошу, не называй отца «мудрым книжником». Целую».

И задумался: а случилось ли ему хоть раз ответить доче-

ри «нет»? Он вытащил из-за книжного шкафа складной карточный столик и расставил его возле окна, чтобы довершить начатое вчера вечером. Поместив на зеленый фетр сумку, он поочередно извлек на свет все, что в ней находилось, и разложил перед собой в произвольном порядке. Затем сунул палец в крошечный кармашек без молнии на подкладке и достал два неиспользованных билета на метро и квитанцию химчистки. На квитанции напротив даты четверга стояла галочка; слово «платье» было обведено кружком. Лоран сверился с ежедневником. По всей видимости, это была квитанция на то самое «платье на бретельках», но ни названия химчистки, ни адреса на ней не значилось.

Интересно, какая она, эта Лора, которая любит обедать в саду, боится красных муравьев, во сне занимается любовью со своим котом, превратившимся в мужчину, пользуется кораллового цвета губной помадой и носит с собой книгу с автографом Патрика Модiano. Женщина-загадка. Смутный силуэт, на который смотришь словно сквозь запотевшее стекло. Женщина, которая является тебе в сновидениях, но стоит проснуться – и ты понимаешь, что не в силах вспомнить ее лица.

– Нет никакой гарантии, что она не уродина.

Эти слова плюхнулись в тишину, как муха в молоко, и Лоран закатил глаза. Он обедал в кафе Жан-Барта со своим другом Паскалем Маслу. Со своим «лучшим другом», удостоенным этого почетного звания на заре совместной туман-

ной юности. С тех пор прошло немало лет. Сохранил ли Паскаль право носить прежний высокий титул? Ну, конкурентов у него, во всяком случае, не появилось. Если честно, между ними не осталось ничего общего. Разве что семейное положение: оба были в разводе. Но то, что когда-то скрепляло их дружбу, жизнь успела вынести за скобки. Они сидели в школе за одной партой, вместе мечтали о недоступных – как тогда казалось – девчонках, вместе хохотали до упаду над всякими глупостями, делились сокровенными тайнами, пили пиво в бистро, защищали диплом в университете ... Но все это кануло в прошлое, отдалилось на расстояние во много-много световых лет. Они повзрослели. И, продолжая встречаться, сами себе напоминали игроков в покер, засидевшихся со стаканом виски за карточным столом до поздней ночи, хотя их партнеры давным-давно разошлись спать. Лоран рассказал Паскалю историю с сумкой, надеясь вызвать у него тот же интерес, что не давал покоя и ему.

– При чем здесь это?

– При том, что ты понятия не имеешь, кто эта женщина. И никогда этого не узнаешь, – изрек Паскаль, жуя антрекот. – Что у тебя есть? Сумка и имя. Ни адреса, ни, главное, фотографии. Если я иду на свидание с женщиной, я знаю про нее все: как она выглядит, сколько ей лет, кем работает, какого цвета у нее глаза и волосы, высокая она или маленькая, сколько весит, какие у нас общие интересы ...

После развода Паскаль регулярно посещал в интернете

сайты знакомств и на большинстве из них был зарегистрирован под разными псевдонимами. Без устали исследуя виртуальные джунгли, он много раз уговаривал Лорана составить ему компанию. На сайтах «для холостяков с повышенными требованиями» наподобие Meetic и Attractive World он выступал под ником Большая Шишка; на площадках, располагающих к большей фривольности – всяких там Adultere.com, Infideles.fr или Ashleymadison.com, – предпочитал зваться Джимми, Магнумом, Фебом, а то и вовсе Вгоняю-в-дрожд. Больше всего его интересовали предложения о встрече вечером после работы или в выходной, хотя для очистки совести он регулярно размещал объявления под рубрикой «Серьезные намерения».

– Я просто пользуюсь ситуацией, – обычно говорил он, подтверждая свои слова самодовольной улыбкой.

По мнению Лорана, Паскаль просто позволил худшему из проявлений западного мира затянуть себя с головой, превратив свою личную, чтобы не сказать половую, жизнь в какой-то менеджмент среднего звена. Когда они вместе обедали в прошлый раз, Паскаль показал ему на своем ноутбуке три папки, озаглавленные: «Архив» (файлы с данными женщин, с которыми он переспал), «Текущие» (файлы с данными его нынешних любовниц) и «Цели и задачи» (файлы с данными любовниц потенциальных). В каждом файле имелась фотография.

– Это что, шутка? – не понял Лоран. – Прямо-таки личные

дела из отдела кадров ...

– Никаких шуток, – обиделся Паскаль. – Безупречная организация – залог успеха. У меня они все разделены на категории. Нимфоманки, скромницы, зануды, фригидные ... Хочешь посмотреть?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.